

doi: 10.53658/RW2021-1-1-115-125

# Народная дипломатия как информационно- коммуникативная технология: потребность, возможности, перспектива

Габриелян О.А., Габриелян Г.О.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского  
(Симферополь, Россия).

*Аннотация.* В статье обосновывается необходимость использования социально-гуманитарных технологий в период геополитической нестабильности мира как механизма выработки новых мер для преодоления локальных и глобальных проблем. Современная народная дипломатия определяется как информационно-коммуникативная технология с новыми качественными характеристиками. Дается определение народной дипломатии как социально-гуманитарному феномену, имеющему свои особенности и не тождественному публичной дипломатии или ее частному виду – культурной дипломатии. Рассматриваются виды народной дипломатии и ее возможности. Общетеоретические выкладки применяются к ситуации, сложившейся в отношениях западных стран и Украины к России и Крыму после их воссоединения. Анализируется современная повестка обсуждения крымского кейса в практике таких международных организаций, как ООН и ОБСЕ. Ставится вопрос о необходимости смены повестки с межгосударственной на гуманитарную. В этом крымском кейсе выделяется такой вид народной дипломатии, как научная, то есть роль и возможности международного научного сообщества в мирном решении возникших гуманитарных проблем.

*Ключевые слова:* социально-гуманитарная технология, народная дипломатия, публичная дипломатия, крымский кейс, научные коммуникации, научное сообщество, гуманитарные проблемы

*Об авторах:* Олег Аршавирович ГАБРИЕЛЯН – доктор философских наук, профессор, декан философского факультета Таврической Академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. ORCID: 0000-0003-0302-0229. Адрес: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Вернадского, 4. E-mail: gabroleg@mail.ru. Геворг Олегович ГАБРИЕЛЯН – кандидат политических наук, начальник Отдела международного сотрудничества и протокола Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. ORCID: 0000-0001-5068-0049. Адрес: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Вернадского, 4. E-mail: ggevorg@list.ru.

Сегодня стало совершенно очевидным, что современный мир проходит стадию активной турбулентности. Принципы, которые позволяли сдерживать деструктивные силы, перестали работать. Нарушился баланс геополитических и геоэкономических сил и, как следствие, те, кто на данном этапе оказался в более выгодных условиях, хотя бы этим воспользоваться. Но история свидетельствует о

том, что эта задача настолько сложная, что никто не в состоянии прогнозировать развитие событий не только в среднесрочной перспективе, но и в краткосрочном формате. Часы Судного дня, даже как метафора, не в состоянии передать ситуацию нестабильного мира, в котором мы живем. Пандемия коронавируса добавила новое измерение неопределенности, которое только усугубило положение. Все эти утверждения не носят публицистического характера и могут быть вполне научно обоснованы.

Возникает закономерный вопрос: существуют ли невоенные технологии, которые позволили бы сохранять мир в период глобальной турбулентности? Очевидно, что даже военные технологии, например ядерные, теряют свой потенциал сдерживания. С одной стороны, растет число стран, обладающих соответствующими технологиями и, как следствие, ядерным оружием, с другой – увеличивается риск ядерной войны. Более того, изобретены новые виды оружия, чья разрушительная сила сопоставима по своим последствиям с применением ядерного оружия.

Становится очевидным, что необходимо разрабатывать новые технологии сдерживания от скатывания в горячие фазы локальных и глобальных конфликтов. Мы видим, как широко применяются в последнее время экономические санкции, как отработаны политические технологии смены элит и режимов, активно используются культурные технологии (и самая известная из них – технология вестернизации).

Фокус нашего внимания будет сосредоточен на такой социально-гуманитарной технологии, как народная дипломатия. Это отнюдь не новая технология, но в эпоху цифровизации и виртуализации социальных коммуникаций она приобретает новые возможности, а главное, начинает формироваться технологически. В отечественной научной литературе довольно основательно разработаны методологические вопросы (Дятченко 1993; Иванов 1996; Маргулян 2010; Оганян 2008). Но при этом недостаточно внимания уделялось технологическим вопросам, а тем более методическим, то есть технологии не доводилась до потребительского состояния, как это можно наблюдать в западной академической и практико-ориентированной литературе (Melissen 2005(a); 2005(b); Zartman and Rasmussen 1996; Nossel 2004).

В истории можно найти множество интересных и эффективных примеров народной дипломатии, но нынешний этап ее развития имеет свои качественные характеристики.

1. Во-первых, как мы отметили, она становится социально-гуманитарной технологией, то есть она приобретает все признаки технологии и продукта реализации этой технологии. Этот заранее запланированный результат достигается путем определенного алгоритмизированного, целенаправленного воздействия на субъекты информационно-коммуникативных сетей. В научной литературе сложился термин «социальная технология», но, на наш взгляд, обозначение этой технологии как социально-гуманитарной отражает колоссальную значимость человеческого фактора в этом процессе.

2. Во-вторых, новые СМИ, основанные на цифровом формате, интерактивности и мультимедийности, качественным образом усиливают указанную технологичность и получаемый результат.

3. В-третьих, повседневная реальность, дополненная виртуальной, значительно расширяет возможности коммуникаций. Более того, им придают новые качественные характеристики: высокую степень независимости, скорости коммуникации, полимодальность.

4. В-четвертых, расширяются и усовершенствуются формы, методы, механизмы социально-гуманитарных технологий, а такие их функции, как позиционирующие, стимулирующие, стабилизирующие, прогнозирующие и проектирующие,

приобретают в современных условиях дополнительное смысловое содержание (Грызова 2021, с. 80-83).

Современную народную дипломатию следует рассматривать как социально-гуманитарную технологию с отмеченными выше характеристиками. Но что, собственно, она представляет собой? Сложность ее определения заключается в том, что смысловое ударение, которое используется в том или ином случае, множит их количество. Было бы правильно в широком смысле определять ее как активное участие гражданского общества в решении различного рода социально-гуманитарных проблем путем формирования необходимого общественного мнения с целью преодоления этих проблем при помощи конструктивного диалога.

Как известно, народная дипломатия имеет ряд преимуществ по сравнению с дипломатией официальной. Последняя ограничена определенным официальным регламентированным языком, реализуемой государственной политикой и различными законами. Народная дипломатия говорит на нескольких языках (формы проявления), и хотя реализуется в том или ином законодательном поле, но менее ограничена государственной политикой, в известном смысле более гибкая и, если так можно выразиться, более экспериментальная. Может создавать и пробовать новые инструменты, идеи, механизмы для достижения социально значимых целей, тем самым открывая межгосударственному диалогу новые перспективы для разрешения возникших проблем.

Народную дипломатию часто отождествляют с публичной дипломатией, которую проводят государственные органы для формирования позитивного образа страны (Мартыненко 2012, с. 57-60). Целевой группой публичной дипломатии, как правило, выступают собственно народы, общественность тех или иных стран. Публичная дипломатия – это «мягкая сила» государства, механизм доведения до международной общественности целей своей политики (Нye 1990; 2004; 2011). Ее отличает государственный характер – и в этом ее ключевое отличие от народной дипломатии (Лебедева 2017; Бурлинова 2021).

Последняя имеет ту же целевую группу, но ожидаемый от нее результат иной. Для нее важно добиться снижения уровня конфликтности на межгосударственном, международном уровне. Это значит, что сама общественность должна повлиять на государственную политику, скорректировать ее неприятием насильственных и гибридных (разрушительных по гуманитарным последствиям) форм противостояния. Публичная политика должна всегда сопровождать официальную, дополнять ее, в то время как народная актуализируется в кризисные периоды, когда необходимо предпринимать хотя бы какие-то гуманитарные шаги, чтобы предотвратить горячий конфликт, дать время ему остыть и найти на официальном уровне новые решения по преодолению кризиса (Долинский 2012; Зонова 2003; 2012).

Было бы неверным утверждать, что государство не пытается координировать деятельность народной дипломатии, влиять на нее. Но оно понимает, что в этом случае ослабляет в ней творческую активность гражданского общества. Государственная регламентация народной дипломатии, попытка включить ее в рядовой арсенал государственной дипломатии, лишает последнюю творческого потенциала гражданских инициатив, площадки для обсуждения любых острых проблем с целью поиска возможных компромиссов, решений серьезных проблем, когда даже невозможно бывает приступить к официальному диалогу.

Учитывая, что за государством и его дипломатией, в том числе публичной, стоят значительные ресурсы, кадры, системность и систематичность работы, нетрудно прийти к выводу, что народная дипломатия значительно уступает официальной дипломатии. Это вообще несоизмеримые величины. Но ранее отмеченные качества

креативности, экспериментальности, доверительности, моральной авторитетности придают народной дипломатии очень важные преимущества. Если бы их не было, то не возник бы сам феномен народной дипломатии, в нем не было бы никакой потребности. В век глобализации и доминирования новых мощных цифровых форм коммуникации возрастает потенциал народной дипломатии и, как следствие, потребность в ней также возрастает.

Если говорить о языке народной дипломатии, то он многообразен. Это язык культуры, спорта, искусства, науки и т.п. Язык народной дипломатии не ограничен официальными преградами, а его главное преимущество состоит в том, что он искренен и опирается на авторитет лидеров общественного мнения. Именно это в конечном итоге определяет значимость морального потенциала народной дипломатии.

Система народной дипломатии посредством культурных взаимодействий, различных форм информационных коммуникаций позволяет доводить до участников диалога основные смыслы разных культур и раскрывать особенности мировоззрения их представителей. Каждый народ осмысляет и осваивает мир по-своему, уникальным образом, на своем собственном символическом языке. В связи с этим есть необходимость диалога, чтобы взаимно прояснять эти особенности.

Язык спорта сублимирует агрессию в форму безопасной соревновательности. Язык культуры обогащает человечество как единую гуманитарную целостность. Возникает вопрос: какие возможности открывает народная дипломатия в форме информационно-коммуникативного взаимодействия мирового научного сообщества? Постараемся ниже ответить на этот вопрос и обосновать его крымским кейсом.

Отметим, что народной дипломатии присуща гуманистическая составляющая, потому как народы мира, взаимодействуя и объединяясь через образование, культуру, спорт, науку, предпринимают совместные усилия в борьбе с угрозой войны, по предотвращению распространения наркотиков, противодействию торговле людьми и другим социально опасным явлениям во имя всеобщего блага. Возможно, это звучит пафосно, но даже самые малые результаты этих усилий – это спасенные человеческие жизни.

Народной дипломатии присуща гражданская активность. Главная ее цель – формирование доверия между людьми, народами и, как следствие, государствами.

Постараемся уточнить еще одно важное обстоятельство: насколько коррелирует описанное выше представление о народной дипломатии с тем, что происходит в западном мире, который позиционирует себя как центр лидерства в этой сфере и реализует на практике вполне успешно соответствующие социально-гуманитарные технологии.

В научной и практико-ориентированной западной литературе активно используется понятие публичной дипломатии (public diplomacy) и культурной дипломатии (cultural diplomacy) как ее составной части. Смысловое наполнение этих понятий в отечественной литературе существенно не отличается. Как правило, в обоих случаях имеют в виду усилия государства по построению позитивного образа конкретной страны в общественном мнении других стран. Некоторые расхождения наблюдаются в применении термина «народная дипломатия».

На Западе деятельность, которую мы описали как народная дипломатия, осуществляют неправительственные организации, то есть такие структуры, которые относятся к институтам гражданского общества. Они могут осуществлять ее самостоятельно, так как источники их финансирования могут быть значительно более разнообразными и мощными, чем это встречается в российской действительности. Соответствующие организации активно развиваются и в России. Государство и

частный бизнес оказывают общественным организациям все большую финансовую поддержку, но пока несравнимо меньшую, и отношения между этими акторами только формируются, нарабатывается опыт эффективного взаимодействия. Таким образом, можно констатировать, что российская действительность и активность в ней общественных организаций коррелируется с западными реалиями, но в ней закрепился термин «народная дипломатия» как имеющий свою нишу социальной активности, не совпадающий полностью с публичной дипломатией, которая имеет более выраженный официальный характер.

## Народная дипломатия: крымский кейс

Наши рассуждения о народной дипломатии не только имеют теоретический научный интерес, но и связаны непосредственно с проектом, который мы обозначили здесь как «крымский кейс». Речь идет об активном использовании народной дипломатии в разрешении проблем на украинском направлении, которые пытаются создать западные государства для России исходя из своих геополитических интересов.

После крымского референдума 2014 года произошло историческое воссоединение Крыма с Россией. Это не оценочное суждение, а исторически свершившийся факт. Какие бы спекуляции ни велись относительно этого референдума и самого акта воссоединения, непреложным остается тот факт, что это было свободное волеизъявление подавляющего большинства крымчан. И если геополитические противники России дают этому факту противоположную трактовку и применяют против него и, собственно, самих крымчан всевозможные санкции, то они сами девальвируют демократические ценности, превращая их в разменную монету политического торга.

Оппоненты могут заявить, что данное утверждение уязвимо, так как сформулировано на языке пропагандистских штампов. Но объективные показатели, которыми должна руководствоваться политическая наука, свидетельствуют о том же. Например, на протяжении всех лет независимости Украины ее Восток и Крым голосовали против украинских националистов и их идеологии. Как правило, население юго-востока Украины голосовало за любые политические силы, которые обещали нормальные отношения с Россией, и за особый статус русского языка. Можно привести и другие вполне объективные данные, свидетельствующие о добровольном воссоединении Крыма с Россией, но в логике антироссийской борьбы ее геополитических противников эта объективность не имеет никакого значения, и даже очередные резолюции ООН не желают констатировать эту объективность. Эти резолюции становятся политическим оправданием различного рода санкций не только против Российской Федерации, но также против крымчан.

В связи с этим возникает задача замены проблемы геополитического противостояния гуманитарной. ООН не носит названия «Организации Объединенных Государств». В ее названии фигурирует слово «нация», и это не только символично, но и существенно и сущностно, так как открывает перспективу для решения возникших проблем в формате обсуждения прав народов и прав человека. В связи с этим крымский кейс надо рассматривать как гуманитарную ситуацию. И так как борьба против крымчан приняла системный характер, то и противостоять ей следует системно и последовательно.

К настоящему времени можно выделить следующие этапы крымского кейса:

- 1) референдум и его последствия;



- 2) системное давление на Россию и крымчан, оформление такой политики в единый западный проект;
- 3) резолюции ООН;
- 4) жизнь в ситуации взаимного непризнания;
- 5) выход на «плато» стабильного развития Крыма в составе России, признание де-факто статуса Крыма как неотъемлемой части России;
- 6) признание де-юре мировым сообществом воссоединения Крыма с Россией.

Очевидно, что некоторые этапы уже пройдены, а некоторые еще предстоит пройти. Программа вполне ясна и имеет аналоги в истории международных отношений. Она вполне реализуемая и перспективная. Не менее очевидно, что такой программе будет оказываться мощное противодействие.

Народная дипломатия вполне оправданно нашла свое место в этом процессе. Первые ее результаты начали проявляться прежде всего в активности национально-культурных автономий болгар, греков, немцев, которые смогли наладить взаимные визиты делегаций в Крым, Болгарию, Грецию, Германию. Как правило, в таких делегациях принимали участие различные представители общественности, в том числе и научного сообщества. В этих и других странах были созданы «Клубы друзей Крыма», на систематической основе стали проводиться различные форумы. Была создана Черноморская ассоциация международного сотрудничества (ЧАМС)<sup>1</sup>, а 6 февраля 2020 года в Керчи была создана другая международная организация – Ассоциация городов античного наследия Северного Причерноморья. В этих организациях изначально заложен значительный компонент международного научного сотрудничества, касающийся, например, исторических и археологических исследований. Имеет смысл отметить, что они никогда и не прекращались, но после воссоединения Крыма с Россией приобрели особую значимость и символичность. Не потому, что ученые включились в политическое противостояние, а потому, что они продемонстрировали важность научного общения и его косвенное влияние на стабилизацию ситуации вокруг Крыма.

Ведущими акторами в крымском кейсе народной дипломатии первыми стали национальные автономии болгар, немцев и греков. Еще в 2015 году членом Общественной палаты РФ, председателем национально-культурной автономии болгар Крыма И.И. Абажером была организована поездка в Болгарию крымской делегации с участием министра культуры Республики Крым В.В. Новосельской. С этого же года начинаются посещения Крыма делегациями из Германии, Греции, той же Болгарии, позже – Италии и других стран. В рамках форума ЧАМС Крым посещают сотни представителей десятков стран. Среди них – политики, бывшие чиновники разного уровня, журналисты, общественные деятели, представители культуры, спорта, науки.

Эти визиты не решают главной дипломатической задачи России – международного признания большинством государств Крыма как ее составной части, признания свободного волеизъявления крымчан, но тем не менее имеют свое важное значение. Иначе ей не противодействовали бы с той отчаянностью, которую демонстрируют западные страны и Украина. Принимаются антироссийские, в частности антикрымские, санкции, разрабатываются соответствующие программы противодействия крымской народной дипломатии. В поддержку последней начали включаться региональные журналисты, лидеры религиозных общин.

Все проводимые ими мероприятия можно отнести к первому этапу крымского кейса. Отметим, что республиканские власти также активно осваивают и продвигают эту технологию. Глава Республики С.В. Аксенов поручил вести эту

1 См.: Черноморская ассоциация международного сотрудничества (ЧАМС): <http://bsaic.ru>.

работу своему заместителю Г.Л. Мурадову, чей дипломатический опыт посла как нельзя лучше для нее подходит. В свою очередь, председатель Государственного Совета Крыма В.А. Константинов поручил это направление работы профильному комитету, в связи с чем он был переименован в «Комитет по народной дипломатии и межнациональным отношениям». Совместно с Государственным комитетом по делам межнациональных отношений Республики Крым был выработан соответствующий документ – «Концепция народной дипломатии Республики Крым». В январе 2021 года он был разослан руководителям национально-культурных автономий и общественным организациям Республики Крым. Хотя за основу были взяты наработки одного из авторов данной статьи, профессора О.А. Габриеляна, при принятии его на государственном уровне не учли ряд обстоятельств, поэтому он, по сути, стал документом по публичной дипломатии. Тем не менее сам факт его принятия свидетельствует о переходе к новому этапу реализации народной и публичной дипломатии крымского кейса.

Выход на площадки ОБСЕ и ООН представителей национально-культурных автономий Крыма – болгар (И.И. Абажера), немцев (Ю.К. Гемпеля – председателя Комитета по народной дипломатии и межнациональным отношениям Государственного Совета Республики Крым), представителей ряда общественных организаций крымских татар, крымских журналистов (Андрея Трофимова, Марии Волконской и др.), представителей мусульманского духовенства Крыма (Эсадуллах Баиров) – свидетельствовал о начале следующего этапа народной и публичной дипломатии. Они начали идти не только параллельным курсом, но и с возрастающей степенью взаимодействия.

На данном этапе их главная задача – переформатировать международную повестку ОБСЕ и ООН из межгосударственной в гуманитарную. По крайней мере обозначить их равнозначность. А в гуманитарной повестке актуальными становятся все направления народной и публичной дипломатии. К гуманитарным проблемам, с которыми столкнулся Крым после воссоединения с Россией, следует отнести в первую очередь всевозможные санкции, которые направлены в конечном счете против крымчан, против людей. В этом заключается их антигуманный характер.

Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 1948 году, обозначила гуманистические параметры этой организации. Ее вторая статья гласит: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете». Следующая статья провозглашает право человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Но можно ли иначе толковать энергетическую, продовольственную, транспортную и водную блокаду крымчан, ограничения на их передвижения, как только не нарушение их гуманитарных прав?<sup>2</sup>

Не менее важным в этом плане является переформатирование крымской повестки на гуманитарную в ОБСЕ. Во-первых, стоит вспомнить Декларацию

<sup>2</sup> Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.

по агрессивному национализму, принятую ОБСЕ в 1993 году, как источнику современных конфликтов. Принимаемые Украиной законы по коренным народам, по языку и др., а главное, действия, предпринимаемые на их основе, полностью подпадают под характеристику агрессивного национализма. Ситуация усугубляется тем, что агрессивный национализм стал государственной идеологией и политикой Украины. Во-вторых, надо напомнить этой международной организации о декларированном ею содержании «трех корзин» основных средств обеспечения безопасности:

«Первая корзина», или политико-военное измерение:

- контроль над распространением вооружений;
- дипломатические усилия по предотвращению конфликтов;
- меры по построению доверительных отношений и безопасности.

«Вторая корзина», или экономическое и экологическое измерение:

- экономическая и экологическая безопасность.

«Третья корзина», или человеческое измерение:

- защита прав человека;
- развитие демократических институтов;
- мониторинг выборов<sup>3</sup>.

В этой связи трудно утверждать, что крымский кейс не имеет гуманитарного измерения, а сводится лишь к межгосударственному конфликту Украины и России.

Конечно, сложно добиться решения тех или иных проблем в ситуации, когда решение принимается консенсусом. Но важно сформировать новую гуманитарную повестку дня по Крыму в этих международных организациях. И здесь роль народной дипломатии может быть весьма значимой.

Не менее значимым является и то, что результатом ее (народной дипломатии – *прим. автора*) активности может стать признание Крыма де-факто. Именно этого обязательства пытается избежать Украина.

Отмеченные нюансы в повестке дня ООН и ОБСЕ можно было наблюдать на площадках этих организаций, непосредственно участвуя (О.А. Габриелян) на соответствующих сессиях этих организаций в 2018 – 2019 годах в Варшаве и Женеве. Поэтому данный крымский кейс – это итог не только теоретического осмысления проблемы, но и осмысления приобретенного опыта работы на отмеченных международных площадках, а также работы на площадке Общественной палаты РФ, встречах в МИДе РФ, в Департаменте международных связей Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, тесного взаимодействия с исполнительными и законодательными органами Республики Крым.

Этот опыт позволяет сформулировать некоторые рабочие принципы народной дипломатии:

1) Политика «малых дел», направленная не на увеличение количества участников мероприятий (за немногочисленными исключениями), а на активизацию действий различных референтных групп, в первую очередь в сферах образования, науки, культуры и бизнеса.

2) Осуществление международной деятельности как на территории региона, так и за рубежом, в особенности в тех странах, где у Крыма присутствуют соответствующие интересы или диаспоры которых находятся в Крыму. В этой связи национально-культурным автономиям отводится особая роль в поддержании связей с «материнскими странами».

<sup>3</sup> Обязательства ОБСЕ в области человеческого измерения (2006), ОБСЕ/БДИПЧ, Варшава: [http://web.archive.org/web/20070611021256/http://www.osce.org/publications/odihr/2005/09/16237\\_442\\_ru.pdf](http://web.archive.org/web/20070611021256/http://www.osce.org/publications/odihr/2005/09/16237_442_ru.pdf); [http://web.archive.org/web/20091015194907/http://www.osce.org/publications/odihr/2005/09/16238\\_441\\_ru.pdf](http://web.archive.org/web/20091015194907/http://www.osce.org/publications/odihr/2005/09/16238_441_ru.pdf).



3) Ориентация мероприятий на молодежную среду, в том числе с использованием ресурсов «новых медиа» (социальные сети, блоги и т.д.).

4) Конкретная адресная помощь субъектам народной дипломатии Республики Крым.

5) Грантовая поддержка некоммерческих think-tank, позволяющая иметь пул экспертов по проблематике. В настоящее время мы в этом плане уступаем нашим оппонентам.

**В заключение** мы хотели бы выделить в крымском кейсе научные коммуникации, так как достаточно осведомлены о ситуации в этой сфере. Санкции против Крыма напрямую или косвенно наложили ограничения на научные коммуникации в различных формах: академические обмены, публикации, научные конференции. По сути, это нарушение фундаментальных прав представителей крымского научного сообщества. Тем не менее в современном мире в век Интернета и глобальных социальных сетей их коммуникации невозможно блокировать полностью. Оппоненты выбора крымчан непродуктивно тратят ресурсы, пытаясь ухудшить качество коммуникаций, но не могут их полностью заблокировать. Продолжается международное сотрудничество крымских ученых, преодолеваются преграды и в публикационной деятельности, а в период пандемии онлайн-конференции стали общепринятой практикой. Конечно, некоторые зарубежные коллеги иногда «опасаются» крымских контактов, но это скорее исключение, чем правило. Научное сообщество, как и наука в целом, работает по принципам народной дипломатии, что ей было присуще изначально по ее природе.

В завершение написания этой статьи стало известно, что 22 июля 2021 года Российская Федерация впервые в своей истории обратилась в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) с жалобой на государство Украина<sup>4</sup>. В ней четко просматривается смена повестки дня относительно Крыма, о которой мы писали выше: «Российская Федерация обратилась в Европейский Суд по правам человека с междоународственной жалобой против Украины на основании статьи 33 Конвенции о защите прав человека и основных свобод». Но этот тезис начал активно звучать в дискурсе народной дипломатии значительно раньше.

## Источники

- Бурлинова, Н. (2021), «Публичная дипломатия России в эпоху COVID-19», *Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г.: доклад Российского совета по международным делам (РСМД)*, № 71.
- Грызова, У.И. (2012), «Социальные технологии: информационно-коммуникативная типология», *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, № 3, сс. 80-83.
- Долинский, А. (2012), «Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России?», *Российский совет по международным делам, режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna-/>*.
- Дятченко, Л.Я. (1993), *Социальные технологии в управлении общественными процессами*, Центр социальных технологий, Белгород.
- Зонова, Т.В. (2003), *Современная модель дипломатии. Истоки становления и перспективы развития*, РОССПЭН, Москва.
- Зонова, Т.В. (2012), «Публичная дипломатия и ее акторы. НПО – инструмент доверия или агент влияния?», *Российский совет по международным делам, режим доступа: [http://russiancouncil.ru/inner/?id\\_4=681](http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681)*.
- Иванов, В.Н. (1996), *Социальные технологии в современном мире*, Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, Москва и Нижний Новгород.

<sup>4</sup> См. официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=63838459>.

- Лебедева, М.М. (2017), “Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты?”, *Публичная дипломатия: Теория и практика*, Москва.
- Маргулян, Я.А., (2010), *Социальные технологии управления обществом: региональный уровень*, Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, Санкт-Петербург.
- Мартыненко, Е.В., Матвиенко В.В. (2012), “Народная (общественная) дипломатия в контексте современного межгосударственного общения”, *Вестник РУДН, серия Международные отношения*, № 1, сс. 57-60.
- Оганян, К.М., Бразевич, С.С., Маргулян, Я.А. и др. (2008), *Социальные технологии и современное общество*, С.-Петерб. гос. инженер.-экон. ун-т, Санкт-Петербург.
- Сурмин, Ю.П., Туленков, Н.В. (2004), *Социальные технологии: учеб. пособие*, МАУП, Киев.
- Melissen, J. (2005a), *The New Public Diplomacy: between theory and practice*, Palgrave Macmillan, New York.
- Melissen, J. (2005b), *The New Public Diplomacy: soft power in international relations*, Palgrave Macmillan, Basingstoke.
- Natsios, A.S. (1996), “An NGO Perspective”, in Zartman, I.W. and Rasmussen, J.L. (Ed.), *Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques*, United States Institute of Peace, Washington D.C., pp. 337-361.
- Nossel, S. (2004), “Smart Power”, *Foreign Affairs*, Vol. 83, No. 2, pp. 131-142.
- Nye, J. (2004), *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, Public Affairs, New York.
- Nye, J.S. (1990), *Bound to lead: the changing nature of American power*, Basic Books, New York.
- Nye, J.S. (2011), *The future of power*, PublicAffairs, New York.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-115-125

# People's Diplomacy as an Information and Communication Technology: necessity, opportunities, perspectives

Oleg A. Gabrielyan, Gevorg O. Gabrielyan

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Republic of Crimea).

**Abstract.** The article proves the necessity of implementing socio-humanitarian technologies during ongoing global geopolitical instability. Modern people's diplomacy is defined as information and communication technology with new qualitative characteristics. The authors (1) provide a definition of people's diplomacy as a social and humanitarian phenomenon with a range of distinctive characteristics, that differentiates it from public diplomacy or, in particular, cultural diplomacy, and identify the types of public diplomacy and its potential. General theoretical calculations are applied to the relations of Western countries and Ukraine to Russia and Crimea after reunification. Based on the analysis of the modern agenda of discussing the Crimean case in the practice of such international organizations as the UN and the OSCE, the authors raise the question of changing the agenda from interstate to humanitarian. Within the study the authors highlight the scientific type of people's diplomacy, the attention is focused on the role and opportunities of the international scientific community in the peaceful settlement of the humanitarian problems.

**Keywords:** social and humanitarian technology, people's diplomacy, public diplomacy, the Crimean case, scientific communications, the scientific community, humanitarian problems

**About the authors:** Oleg Arshavirovich GABRIELIAN – DSc (Philos.), Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University. ORCID: 0000-0003-0302-

0229. Address: Vernadsky Ave 4, Simferopol, Republic of Crimea 295007. E-mail: gabroleg@mail.ru. Gevorg Olegovich GABRIELIAN – CandSc (Polit.), head of division of International Cooperation and Protocol of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. ORCID: 0000-0001-5068-0049. Address: Vernadsky Ave 4, Simferopol, Republic of Crimea 295007. E-mail: ggevorg@list.ru.

## References

- Burlinova, N. (2021), "Russian Public Diplomacy in the Era of COVID-19" ["Publichnaya diplomatiya Rossii v epokhu COVID-19], *Annual Review of the Main Trends and Events of Russian Public Diplomacy in 2020: Report of the Russian International Affairs Council*, No. 71 (in Russian).
- Dolinsky, A. (2012), "What is public diplomacy and why does Russia need it?" ["Chto takoe obshchestvennaya diplomatiya i zachem ona nuzhna Rossii?"], Russian Council on International Affairs, available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna-/> (in Russian).
- Dyatchenko, L.Y. (1993), *Social technologies in the management of social processes* [Sotsial'nye tekhnologii v upravlenii obshchestvennymi protsessami], Center for Social Technologies, Belgorod (in Russian).
- Gryzova, U.I. (2012), "Social technologies: information and communication typology", *Intellect. Innovation, Investment* ["Sotsial'nye tekhnologii: informatsionno-kommunikativnaya tipologiya", *Intellekt. Innovatsii, Invesii*], No. 3, pp. 80-83 (in Russian).
- Ivanov, V.N. (1996), *Social technologies in the modern world* [Sotsial'nye tekhnologii v sovremennom mire], Publishing house of the Volgo-Vyatka Academy of State Service, Moscow and Nizhny Novgorod (in Russian).
- Lebedeva, M.M. (2017), "Public Diplomacy: Disappearance or New Horizons?", *Public Diplomacy: Theory and Practice* ["Publichnaya diplomatiya: ischeznovenie ili novye gorizonty?"], *Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika*, Moscow (in Russian).
- Margulyan, Y.A., (2010), *Social Technologies of Society Management: Regional Level* [Sotsial'nye tekhnologii upravleniya obshchestvom: regional'nyi uroven'], Publishing House of the St. Petersburg Academy of Management and Economics, St. Petersburg (in Russian).
- Martynenko E.V. and Matvienko V.V. (2012), "People's (public) diplomacy in the context of modern interstate communication", *RUDN Bulletin, International relations series* ["Narodnaya (obshchestvennaya) diplomatiya v kontekste sovremennogo mezhgosudarstvennogo obshcheniya", *Vestnik RUDN, seriya Mezhdunarodnye otnosheniya*], No. 1, pp. 57-60.
- Melissen, J. (2005a), *The New Public Diplomacy: between theory and practice*, Palgrave Macmillan, New York.
- Melissen, J. (2005b), *The New Public Diplomacy: soft power in international relations*, Palgrave Macmillan, Basingstoke.
- Natsios, A.S. (1996), "An NGO Perspective", in Zartman, I.W. and Rasmussen, J.L. (Ed.), *Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques*, United States Institute of Peace, Washington D.C., pp. 337-361.
- Nossel, S. (2004), "Smart Power", *Foreign Affairs*, Vol. 83, No. 2, pp. 131-142.
- Nye, J. (2004), *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, Public Affairs, NY.
- Nye, J.S. (1990), *Bound to lead: the changing nature of American power*, Basic Books, New York.
- Nye, J.S. (2011), *The future of power*, Public Affairs, New York.
- Ohanyan, K.M., Brazevich, S.S., Margulyan, Y.A. et al. (2008), *Social technologies and modern society* [Sotsial'nye tekhnologii i sovremennoe obshchestvo], St. Petersburg.
- Surmin, Y.P., Tulenkov, N.V. (2004), *Social technologies* [Sotsial'nye tekhnologii], Kiev.
- Zonova, T.V. (2003), *The Modern Model of Diplomacy. The origins of formation and development prospects* [Sovremennaya model' diplomatii. Istoki stanovleniya i perspektivy razvitiya], ROSSPEN, Moscow (in Russian).
- Zonova, T.V. (2012), "Public diplomacy and its actors. NGOs are an instrument of trust or an agent of influence?" ["Publichnaya diplomatiya i ee aktory. NPO – instrument doveriya ili agent vliyaniya?"], Russian Council on International Affairs, access mode: [http://russiancouncil.ru/inner/?id\\_4=681](http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681) (in Russian).